

Леонид Андреев

Первый гонорар

Леонид Андреев

Первый гонорар

«Public Domain»

1900

Андреев Л. Н.

Первый гонорар / Л. Н. Андреев — «Public Domain», 1900

«Помощник присяжного поверенного Толпенников выслушал в заседании суда две речи, выпил в буфете стакан пустого чаю, поговорил с товарищем о будущей практике и направился к выходу, деловито хмурясь и прижимая к боку новенький портфель, в котором одиноко болталась книга: „Судебные речи“. Он подходил уже к лестнице, когда чья-то большая холодная рука просунулась между его туловищем и локтем, отыскала правую руку и вяло пожала ее...»

© Андреев Л. Н., 1900

© Public Domain, 1900

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Леонид Андреев

Первый гонорар

I

Помощник присяжного поверенного Толпенников выслушал в заседании суда две речи, выпил в буфете стакан пустого чая, поговорил с товарищем о будущей практике и направился к выходу, деловито хмурясь и прижимая к боку новенький портфель, в котором одиноко болталась книга: «Судебные речи». Он подходил уже к лестнице, когда чья-то большая холодная рука просунулась между его туловищем и локтем, отыскала правую руку и вяло пожала ее.

– Алексей Семенович! – воскликнул Толпенников с выражением радости и почтения, так как холодная рука принадлежала его патрону.

– Куда? – вяло спросил патрон, высокий, сутуловатый человек.

Спрашивая, он не смотрел на Толпенникова, и взгляд его, усталый и беспредметный, был устремлен куда-то в глубину длинного коридора, где мелькали у светлых дверей темные тени, шуршали по камню ногами, поднимая еле заметную пыль, и болтали.

– Да домой! – оживленно и громко ответил Толпенников. – Я тут с утра. Ах, если бы вы знали, как все это интересует меня!

С тем же оживлением он начал передавать свои впечатления от речи Пархоменко, которая очень понравилась ему, между тем как тяжелая, холодная рука незаметно увлекла его наверх, в комнату совета присяжных поверенных. Там Алексей Семенович молча раскрыл свой туго набитый портфель, покопался в нем и протянул помощнику бумаги в синей обложке с крупной надписью: «дело».

– Вот. Завтра в съезде. Тут и доверенность.

Толпенников покраснел и, протягивая обе руки, запинаясь, спросил:

– Как завтра? И я... А вы?

– Я сегодня еду в Петербург, – равнодушно и устало говорил патрон, медленно опускаясь в кресло. Тяжелые веки едва приподнимались над глазами, и все лицо его, желтое, стянутое глубокими морщинами к седой щетинистой бородке, похоже было на старый пергамент, на котором не всем понятную, но печальную повесть начертала жестокая жизнь.

– Но как же? – отталкивал Толпенников бумаги. – Ведь я... Это завтра?

Последнее слово он выговорил с особенным страхом и особенным почтением.

– Да. Тут все есть. Приговор мирового. Черновик моей апелляционной жалобы. Ну, да все. Постарайтесь не провалить. Фрак есть?

– Есть, то есть нет, но я достану. Но ведь я... боюсь. Как это вдруг?..

Алексей Семенович медленно поднял свои усталые глаза на помощника, все еще державшего в руках бумаги, и как будто знакомое что-то, старое и давно забытое увидел в этом молодом, испуганно-торжественном лице. Выражение усталости исчезло, и где-то в глубине глаз загорелись две маленькие звездочки, а кругом появились тоненькие лучеобразные морщинки. Такое выражение бывает у взрослых людей, когда они случайно увидят играющих котят, что-нибудь маленькое, забавное и молодое.

– Бойтесь? – улыбался он. – Это пройдет.

Алексей Семенович поднялся, медленно расправил согнутую спину и, смотря поверх голов прежним беспредметным взглядом, повторил равнодушно и устало:

– Да, пройдет. Ну, мне пора.

Снова Толпенников ощутил прикосновение холодной, вялой руки и увидел согнутую, покачивающуюся спину патрона. Одним из адвокатов бросая отрывистые кивки, другим на

ходу пожимая руки, Алексей Семенович большими ровными шагами прошел накуренную, грязную комнату и скрылся за дверью, мелькнув потертым локтем не нового фрака, – а помощник все еще смотрел ему вслед и не знал, нужно ли догонять патрона, чтобы отдать ему бумаги, или уже оставить их у себя.

И оставил их у себя.

Вечером Толпенников готовился к защите и думал, что он никогда не станет защитником. С внешней стороны дело было ясно и просто и всей своей ясностью и простотой говорило, что жена действительного статского советника Пелагея фон-Брезе виновна в продаже из своего магазина безбандерольных папирос. Мировой судья, осудивший ее, был совершенно прав, и непонятно было только одно, как мог ее защищать Алексей Семенович, а после обвинения как он мог написать жалобу, слабую по аргументам и больше, казалось, чем сам обвинительный приговор, уличавшую г-жу фон-Брезе. Таково было первое впечатление от прочитанных бумаг, и Толпенников, утром еще такой счастливый, представлялся себе стоящим перед глубокой и темной ямой и таким жалким, что не верилось в недавнее счастье. На, стуле в углу висел распяленный фрак, добытый у знакомого помощника, вызывающе лез в глаза своей матово-черной поверхностью и напоминал те мысли и мечты, которые носились в голове Толпенникова каких-нибудь два часа тому назад. Они были яркие, образны и наивно-благородны, эти мысли и мечты. Не кургузым, нелепо комичным одеянием представлялся фрак, а чем-то вроде рыцарских лат, равно как и сам Толпенников казался себе рыцарем какого-то нового ордена, призванного блюсти правду на земле, защищать невинных и угнетенных. Самое слово «защитник» до сих пор вызывало в нем сдержанно-горделивый трепет и представлялось большим, звучным, точно оно состоит не из букв, а отлито из благородного металла. Только в мыслях иногда осмеливался Толпенников применять его к себе и всякий раз испытывал при этом страх, и как влюбленный ожидает первого свидания, так и он ожидал первой защиты.

Толпенников не знал, что ему теперь делать, и в отчаянии снова уселся за бумаги. Они лежали все такие же, четко переписанные, ясные, но Толпенников не понимал их и невольным движением спустил еще ниже висевшую над столом электрическую лампочку. Номер, в котором он жил, был мал и грязен, но освещался электричеством, и это особенно ставилось на вид Толпенникову, когда два дня тому назад его пригласили в контору для объяснений и настоятельно потребовали денег за два прожитых месяца. Постепенно туман перед глазами рассеивался, и Толпенников стал вдумываться в смысл того, что беззвучно выговаривали его зубы. И тогда на левой странице, внизу, он заметил одну пропущенную подробность, которая была в пользу г-жи фон-Брезе и давала несколько иное освещение делу. И хотя это была подробность, благоприятное сочетание слов, а не факт, но он обрадовался и сразу почувствовал себя бодрым, сообразительным, как всегда, и виноватым перед патроном и г-жой фон-Брезе.

Толпенников улыбнулся, почесал себе нос и зачем-то слегка покачал его двумя пальцами, поддернул брюки, которые у него всегда сползали, и вышел прогуляться в длинный коридор. Вернувшись оттуда, он внимательно осмотрел фрак сверху и с подкладки, улыбнулся и подумал, что фрак велик для его роста и широк. Потом с некоторой боязнью сел за бумаги и стал внимательно читать их, делая на полях отметки, сверяясь с акцизным уставом и часто почесывая нос то пальцем, то карандашом. Он еще не приучил черт своего лица к серьезной неподвижности, и улыбался, и покачивал головой, и чмокал губами, маленький, худенький и наивно-великодушный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.